

Засѣданія русскихъ ученыхъ обществъ и учреждений.

Императорское Русское Археологическое Общество въ С.-Петербургѣ.

22 декабря 1901 г. Я. И. Смирновъ—Поздне-античная художественная индустрія (по поводу книги Ригля).

9 января 1902 г. А. В. Щусевъ — Объ алтарныхъ византійскихъ преградахъ. При этомъ референтъ демонстрировалъ рисунки ихъ при помощи волшебнаго фонаря.

19 января. А. А. Спицынъ — Объ аланахъ на Сѣв. Донцѣ.

21 февраля. Н. Я. Марръ: 1) Памяти М. И. Бросса (по поводу 100-лѣтія со дня его рожденія). 2) Арабское извлеченіе изъ сирійской хроники Марабаса (въ связи съ вопросомъ объ источникахъ М. Хоренскаго).

16 марта. Н. П. Некрасовъ — Чтеніе и объясненіе 3 и 4 статей Игорева договора съ греками. Референтъ далъ новое объясненіе нѣкоторымъ темнымъ и туманнымъ пунктамъ «договора Игоря съ греками 945 г.», именно 3 и 4 статей его. Рѣчь здѣсь идетъ о побѣгахъ рабовъ русскихъ на греческой территоріи. Русскіе, жившіе въ особомъ предметѣ «св. Мамы», у которыхъ убѣжалъ рабъ, могли дѣлать обыски только у русскихъ же, живущихъ въ Греціи. Русскіе должны клясться, что не укрываютъ раба. Если же рабъ не находится, то греки платили за него опредѣленную цѣну (2 паволоки). Рабъ, убѣжавшій отъ грека, долженъ былъ быть возвращенъ такъ же, какъ и все похищенное имущество; за временное пользованіе рабомъ и вещами, потерявшій (грекъ) получалъ установленную плату—2 золотника. (Нов. Вр. № 9352—18 марта 1902 г.).

27 марта. О. А. Браунъ — О нѣкоторыхъ варяжскихъ именахъ въ Кіево-Печерскомъ патерикѣ.

4 апрѣля. Н. П. Кондаковъ — О поддѣльности нѣкоторыхъ византійскихъ эмалей въ коллекціи М. П. Боткина.

2 мая. Годовое общее собраніе Археологическаго Общества. Серебряная медаль была назначена Коммиссіей Б. В. Фармаковскому за его изслѣдованіе: «Византійскій пергаменный рукописный списокъ съ миниатюрами, принадлежащій Археологическому Институту въ Константинополѣ».

Императорское Общество Любителей Древней Письменности и Искусства.

23 ноября 1901 г. Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о бракѣ княжны Мстиславны (1122 г.), о которой въ лѣтописяхъ нашихъ говорится всего лишь въ четырехъ-пяти словахъ. Дочь Мстислава и Хри-

стіаны, она была помолвлена за византійскаго наслѣдника престола — Алексѣя, первороднаго сына императора Калоіоанна Комнина (1118 — 1143). Въ Византіи, по обычной традиціи, она получила новое имя—Зою, была коронована, причѣмъ ей даруется титулъ севасты, и была обвѣнчана въ 1122 году. Такъ какъ у нея не было дѣтей, кромѣ одной дочери, то императоръ Калоіоаннъ, по мнѣнію референта, и сталъ охладѣвать къ женатому на ней первородному своему сыну—Алексѣю и перенесъ свою любовь на четвертаго изъ своихъ сыновей — Мануила, которому, быть можетъ, и намѣревался передать корону. Смерть Алексѣя въ 1142 году, повергнувъ севасту Зою въ глубокой трауръ, развязала руки императору. Остатокъ жизни Зоя проводить не въ монастырѣ, а въ мірѣ, въ обществѣ волхвовъ и чародѣевъ. Референтъ полагаетъ, что эту склонность къ чародѣйству Зоя могла вывести изъ Кіева и что своимъ примѣромъ оживила въ Византіи интересъ къ разнаго рода волхвованіямъ.

Слѣдующее сообщеніе было прочитано академикомъ Н. П. Кондаковымъ на тему: «Изображенія князя Ярополка Изяславича въ Трирской псалтыри».

Codex Gertrudianus, какъ назвалъ его въ 1857 г. Рудольфъ Eitelberger von Edelberg, или «Liber presum Gertrudis», подъ какимъ именемъ онъ отмѣченъ еще въ 1854 г. Людвигомъ Bethmann'омъ, извѣстенъ въ Западной Литературѣ съ 1740 г., когда Rubeis въ своихъ «Monumenta ecclesiae Aquilejensis» (Argentinae, 1740) обнародовалъ замѣтку епископа Адриана Филиппа della Torre (1702—1717), чивидальскаго уроженца, сдѣланную имъ собственноручно на л. 9^a кодекса Гертруды. Съ начала 1901 года вниманіе русскихъ ученыхъ было возбуждено упорными слухами объ открытіи миниатюръ византійскаго стиля съ современными изображениями князя Ярополка Изяславича, жены его и матери. Рукопись эта, хранящаяся въ Cividale, представляетъ поздненѣмецкое, исполненное въ Трирѣ между 977 и 983 гг., подражаніе великолѣпнымъ Карловингскимъ кодексамъ, писаннымъ золотомъ, съ большими инициалами изъ причудливыхъ плетеній. Какъ выдающаяся рѣдкость по своему научному и археологическому матеріалу, она стала предметомъ самаго тщательнаго изученія и въ истекшемъ 1901 г. была издана двумя нѣмецкими учеными, Газеловымъ и Зауеромъ. При первыхъ слухахъ объ открытыхъ въ рукописи пяти миниатюрахъ особой важности для русской археологіи, 2-е Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ тогда же рѣшило командировать на мѣсто въ Cividale, С. Н. Северьянова какъ для изученія рукописи, такъ и съ порученіемъ воспроизвести самые точные фотографическіе снимки, съ наложеніемъ красокъ, со всѣхъ важнѣйшихъ листовъ. При помощи пріобрѣтеннаго на средства Академіи наилучшаго фотографическаго аппарата, С. Н. Северьяновъ произвелъ ортохроматическую съемку съ желтымъ стекломъ всѣхъ византійскихъ миниатюръ кодекса, образцовъ письма, а равно и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ миниатюръ для образца.

Кодексъ, по мнѣнію этого ученаго, представляетъ собой соединеніе двухъ фрагментовъ въ одно цѣлое, причѣмъ спаемъ этому соединенію служили пять византійскихъ миниатюръ и молитвы отъ лица нѣкоей Гертруды. Главный фрагментъ и есть латинская псалтырь, раздѣленная нѣмецкими миниатюрами на 15 декадъ, вмѣстѣ съ особой тетрадкой дедикаціонныхъ нѣмецкихъ же миниатюръ и съ универсальной литаніей, заключающей псалтырь. Писанъ этотъ фрагментъ въ послѣдней четверти X в. въ Трирѣ нѣкимъ Рупрехтомъ, повидному, діаконскаго званія, по личной инициативѣ трирскаго архіепископа Эгберта или Эгберта (977—993) (см. *Trieger Geschichtsquellen . . . . Sauerland. Trier. 1889*). Дедикаціонныя миниатюры псалтыри даютъ основаніе предполагать, что псалтырь эта была вкладомъ въ какой-то храмъ во имя апостола Петра. Относительно же Рупрехта надо замѣтить, что Страсбургскій проф. Яничекъ прослѣдилъ его въ санѣ архидіакона Трирскаго епархіи за время 973—981 г. (Н. Janitschek, *Geschichte der deutschen Malerei, Berlin 1890*, стр. 65). Второй же фрагментъ есть календарь на всѣ 12 мѣсяцевъ съ различными подробностями, изъ которыхъ сохранились лишь двѣ гадательныя статьи: 1) статья «о лунныхъ дняхъ» безъ начала и 2) такъ называемый въ русской литературѣ «колядникъ», или каледарникъ. Однако нельзя видѣть въ этомъ кодексѣ соединеніе 3-хъ фрагментовъ, т. е. календаря, византійскихъ миниатюръ и псалтыри: византійскія миниатюры явно носятъ характеръ спая, потому что пятая изъ нихъ, «Богоматерь на тронѣ», по мнѣнію С. Н. Северьянова, несомнѣнно одной кисти съ 4-мя прочими, попала на пергаментъ Трирскаго псалтыри, оставшійся съ одной стороны чистымъ (л. 40^a), а съ другой занятый трирскаго миниатюрой «St. Valerius» (л. 40^b). Подтверждается все это прежде всего самимъ пергаментомъ: его качествомъ, форматомъ, почерками и брошюровкой. Такъ наблюдается здѣсь 3 сорта пергамента: высшій — принадлежитъ псалтыри; онъ очень тонокъ, бѣлъ и, при всей своей массѣ, съ самымъ незначительнымъ количествомъ пергаменныхъ дыръ, очень маленькихъ и заплатанныхъ съ клеємъ, при чемъ структурныхъ пятенъ и вовсе нѣтъ. Мѣра его — 0,235^m × 0,188^m. Второй сортъ также хорошъ, но не такъ бѣлъ и тонокъ, какъ предыдущій, и занятъ календаремъ, писаннымъ, какъ обнаружили изслѣдованія того же ученаго, въ Регенсбургѣ, но для Праги. Третій же, въ значительной степени уступающій даже второму, и послужилъ матеріаломъ для надписанія молитвъ Гертруды и пяти византійскихъ миниатюръ, при этомъ форматъ ихъ былъ больше формата псалтыри, по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приведетъ обрѣзъ на одной изъ нихъ, именно «Рождество Христово». Еще подробнѣе останавливается С. Н. Северьяновъ на исторіи возникновенія кодекса Гертруды и на объясненіи путаницы въ отдѣльныхъ частяхъ его, но мы не будемъ долѣе останавливаться на этомъ (см. Прил. къ отч. Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, стр. XLVI—LIII), а перейдемъ къ самимъ миниатюрамъ.

Всѣхъ византійскихъ миниатюръ въ кодексѣ, какъ извѣстно, пять:

первая—представляет ап. Петра, къ которому обращаются съ моленіемъ князь Ярополкъ Изяславичъ и жена его Ирина и ногу котораго лобызаетъ мать Ярополка. Надъ фигурою имѣется надпись: *o d i k e s i a r o p o l k a k x*. Надъ изображеніемъ же матери: *m r i a r o p o l a . . .*. Въ письмѣ имени «Яропѣлкъ» крайне любопытна чисто русская вставка з или помѣщеніе его передъ плавною. Далѣе титуломъ «Дикея», по мнѣнію нашего почтеннаго византолога—академика Н. П. Кондакова, или выраженъ общій почетъ лицу, которому почему либо сочли неудобнымъ придать титулъ, или же возможно допустить желаніе указать на особое отличіе церковнаго характера (греко-византійскаго и даже римскаго). Что же касается титловой формы греческаго названія «матери», то она и необычна, и рѣзко противорѣчитъ обычному греческому письму, будучи скопирована съ иконъ Божьей Матери. Вторая миниатюра представляетъ большую выходящую заставку въ видѣ купольнаго храма поверхъ орнаментальнаго четырехугольника, въ который вписано Рождество Христово. Слѣдующая—Распятіе, написанное также внутри орнаментальнаго оклада, быть можетъ, эмалеваго, съ изображеніемъ Евангелистовъ въ кругахъ по 4-мъ сторонамъ центральной сцены. Въ четвертой миниатюрѣ изображенъ Спаситель вѣнчающимъ Ярополка и Ирину царскими (въ общемъ смыслѣ слова, въ данномъ же случаѣ — великокняжескими) вѣнцами; подводятъ же ихъ ап. Петръ и св. Ирина. Наконецъ, послѣдняя изображаетъ Богоматерь съ Младенцемъ на престолѣ. Что же касается смысла всѣхъ этихъ миниатюръ, то онъ выясняется самъ собой изъ ряда молитвъ на латинскомъ языкѣ, отъ имени нѣкоей Гертруды, которая молится за себя и сына своего Петра. Моленія ея обращены прежде всего къ ап. Петру (самая псалтырь, какъ указано выше, и была подарена въ храмъ этому Святому), затѣмъ архистратигу Михаилу (покровителю православнаго воинства въ Византіи), св. Еленѣ, а также *per cruce[m] Sanctam Domini eiusque genetricis intercessionem* (миниатюры Распятія и Богоматери); въ нихъ проситъ Гертруда о испосланіи Божьей помощи въ бѣдахъ и напастяхъ отъ враговъ, князей и ихъ войскъ, за единственнаго любимаго сына своего Петра. Какъ извѣстно въ настоящее время, князь Петръ, сынъ Гертруды, есть ни кто иной, какъ Ярополкъ Изяславичъ князь Владиміръ-Волынскій и Туровскій, изгнанный въ 1084 г. Ростиславичами изъ своихъ владѣній, бѣжавшій затѣмъ въ Польшу, снова вернувшійся на свой княжескій престолъ и погибшій въ 1087 г. въ Звенигородѣ Галицкомъ. Относительно же христіанскаго имени Ярополка—Петръ, то вполне вѣроятной, по мнѣнію того же ученаго, представляется эта догадка, сдѣланная по извѣстію лѣтописи, что онъ построилъ въ Кіевѣ церковь имени апостола Петра, въ которой и погребенъ. Извѣстна затѣмъ и его дипломатическая поѣздка, по порученію отца, къ папскому двору и императору Генриху. Мать же Ярополка и жена Изяслава была родомъ изъ польской королевской семьи, и потому возможно, что она всегда оставалась католической и носила имя Гертруды. Однако является крайне

существеннымъ и пока неразрѣшеннымъ вопросомъ тотъ фактъ, что сынъ ея Петръ — Ярополкъ называется въ молитвахъ «единственнымъ» сыномъ, тогда какъ у Изяслава было ихъ трое; а потому рукопись требуетъ самага тщательнаго изслѣдованія и изученія.

Не вполне яснымъ представляется и самый подборъ молитвъ, что заставляетъ обратиться къ сличенію съ обычными формами латинскихъ молитвъ того ранняго времени, да и многія детали иллюстрацій не могутъ пока быть выяснены вполне и являются чѣмъ-то гадательнымъ. Такъ, въ моленіи ап. Петру—Ярополкъ изображенъ въ станомъ кафтанѣ патриціанскаго сана, съ оплечьемъ, широкимъ поясомъ и шитою по подолу каймою, въ коронѣ съ верхомъ въ видѣ мягкой шапки изъ золотой парчи: костюмъ — соотвѣтствующій сану князя-архонта или патриція. Къ сценѣ же увѣнчанія Спасителемъ Ярополка, поверхъ этого кафтана, онъ имѣетъ уже верхнюю мантию, хотя не вполне царскую, безъ нашивного тавлія на груди, и подбитую горностаевымъ мѣхомъ. Повидимому эта мантия скорѣе всего отвѣчаетъ сану кесаря, къ которому византія приравнивали королей и великихъ князей сѣвера, отличая ихъ этимъ отъ единственнаго «βασιλεύς α τῶν Ῥωμαίων». Ярополкъ однако никогда не былъ великимъ княземъ, а папская булла не могла, конечно, придать ему въ дѣйствительности такой титулъ, и потому остается догадка, не выражена ли здѣсь каллиграфомъ лишь завѣтная мечта матери его — Гертруды. Далѣе является не менѣе важный вопросъ о томъ, кто именно исполнилъ эти миниатюры: грекъ, русскій или западно-европейскій каллиграфъ, усвоившій себѣ лишь византійскую технику письма и скопировавшій всѣ эти миниатюры, за исключеніемъ введенныхъ имъ въ обычную среду сценъ новыхъ лицъ, изъ дѣйствительной жизни. Извѣстная сухость, рѣзкость въ тѣняхъ, чернота и сѣрый фонъ красокъ, по мнѣнію нашего академика Н. П. Кондакова, выдаетъ подражателя, близко скопировавшаго византійскіе образцы. Здѣсь нельзя встрѣтить варварской, но все же широкой манеры иллюстрацій на подобіе Святославова Сборника и Остромирова Евангелія, и хотя изображены лица древне-русскаго княжескаго дома, тѣмъ не менѣе рукопись нельзя причислить, по отзыву того-же ученаго, къ памятникамъ древне-русскаго искусства. Однако, эти миниатюры заключаютъ въ себѣ много реальныхъ бытовыхъ сценъ: если рисунокъ Святославова Сборника въ простыхъ чертахъ представляетъ князей въ ихъ домашней обстановкѣ, то здѣсь мы знакомимся такъ сказать съ официальнымъ міромъ Кіевской Руси, и такимъ образомъ интересъ къ этой рукописи отнюдь не уменьшается, а скорѣе возрастаетъ при сравненіи его съ прежнимъ матеріаломъ. (См. Новое Время № 9244, 27 ноября 1901 г., прилож. № 9195 — 19 января 1902 г., статью академика Н. П. Кондакова стр. 7 и 8, тамъ же и рисунки стр. 5—7).

14 декабря. Докладъ А. И. Соболевскаго: «Греки — литературные дѣятели въ Москвѣ XVI—XVII вв.». Прежде всего докладчикъ сообщилъ результаты личныхъ наблюденій надъ переводомъ Максима Грека. Его

первые переводы въ Москвѣ были сдѣланы съ греческаго языка на латинскій, съ котораго Дмитрій Герасимовъ и Власій переводили уже на славянскій языкъ. Повидному, и нѣкоторыя оригинальныя сочиненія Максима были написаны имъ на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ уже переведены на славянскій кѣмъ-либо изъ его сотрудниковъ. Затѣмъ Максимъ сталъ самъ дѣлать переводы на славянскій языкъ, но не слѣдуетъ думать, что онъ научился ему лишь по прїѣздѣ въ Москву; Максимъ, несомнѣнно, зналъ славянскій языкъ и раньше, но зналъ церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, и въ его переводахъ встрѣчаются обычныя средне-болгарскія формы (референтъ отмѣтилъ при этомъ, что въ единственномъ, дошедшемъ до насъ, несомнѣнномъ автографѣ Максима Грека наблюдается обычная, средне-болгарская скоропись). Позволительно даже думать, что Максимъ просматривалъ и поправлялъ переводы Дмитрія Герасимова и Власія, такъ какъ въ этихъ переводахъ изрѣдка встрѣчаются типичныя для Максима средне-болгарскія формы. Слава Максима Грека, какъ православнаго, какъ ученаго, какъ литературнаго дѣятеля—несмотря на соборное осужденіе Максима, какъ еретика—была такъ велика, что московское правительство, заботившееся о переводахъ съ греческаго, должно было мечтать о другомъ Максимѣ, но греки XVII в., явившіеся въ Москву, были совсѣмъ не похожи на Максима. Это были, въ большинствѣ случаевъ, лица сомнительной репутаціи и далеко не тѣхъ знаній, какія нужны были московскому правительству. Оно чувствовало потребность въ новыхъ, или исправленныхъ по оригиналамъ переводахъ твореній Св. Отцовъ, а прїѣзжіе греки такъ мало знали греческій литературный языкъ, языкъ святоотеческихъ твореній, что сторонились отъ него и переводили лишь тѣ книжки, которыя въ XVI—XVII вѣкахъ издавались въ Венеціи на простомъ греческомъ языкѣ и представляли собою переводы съ греческаго литературнаго языка на простонародный или пересказы и компіляціи на простонародномъ-же греческомъ языкѣ. Характеризуя дѣятельность переводчиковъ-грековъ, референтъ остановился на рядѣ переводныхъ произведеній XVII в. (Пр. Вѣстн. № 275 — 18 дек. 1901 г.).

25 января 1902 г. Сообщение Д. И. Абрамовича: «О славянскихъ печатныхъ изданіяхъ Кіево-Печерскаго Патерика». Референтъ остановился на первомъ печатномъ славянскомъ изданіи (кіевскомъ 1661 года), которое представляетъ собой позднѣйшую историко-литературную компіляцію, составленную лишь на основаніи Печерскаго Патерика въ собственномъ смыслѣ (какъ сложился этотъ Патерикъ въ періодъ времени съ XIII по XV в.),—опредѣлилъ отношеніе его и зависимость отъ рукописей редакціи Іосифа Тризны, а затѣмъ остановился на детальномъ разсмотрѣннн вопроса объ исправленіи Патерика передъ изданіемъ (московскимъ) 1759 года. При разрѣшеннн настоящаго вопроса, очень сложнаго и требовавшаго большой тщательности, докладчикъ привелъ всѣ тѣ данныя, которыя имѣются въ архивѣ Св. Синода, Мос-

ковскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и типографской библіотекѣ.

Затѣмъ П. А. Сырку прочелъ рефератъ о латинскихъ припискахъ въ славянскомъ кодексѣ римованной лѣтописи Манассіи, хранящейся въ Ватиканѣ. Славянскій переводъ этой лѣтописи, давно извѣстный ученымъ, не имѣетъ, однако, и до сего времени хорошаго изданія; нѣтъ даже научнаго описанія лучшаго изъ его списковъ — ватиканскаго, украшеннаго миниатюрами, столь цѣнными для исторіи культуры южныхъ славянъ. По словамъ докладчика, никто пока не обращалъ вниманія на многочисленныя славянскія и латинскія приписки (греческія же встрѣчаются лишь въ небольшомъ количествѣ) на поляхъ ватиканскаго списка; въ большинствѣ случаевъ онѣ служатъ указателями содержанія лѣтописнаго текста, а иногда даютъ объясненія непонятныхъ не-славянскихъ словъ. Докладчикъ остановился главнымъ образомъ на латинскихъ припискахъ и примѣчаніяхъ. Онѣ не случайнаго характера, а расположены до нѣкоторой степени въ систематическомъ порядкѣ и даютъ ясное понятіе о содержаніи лѣтописи (на 150-мъ листѣ онѣ прекращаются). Самыя приписки сдѣланы на основаніи источниковъ, главнымъ образомъ, историческаго характера и лишь отчасти въ основаніи ихъ лежатъ легендарныя сказанія изъ болгарской исторіи. Это, по мнѣнію П. А. Сырку, уже само по себѣ даетъ право предположить, что латинскія приписки принадлежатъ славянину. Далѣе, остальные наблюденія надъ ихъ правописаніемъ и особенностями языка привели референта къ убѣжденію, что приписки сдѣланы несомнѣнно болгаринномъ, знавшимъ латинскій языкъ, и при томъ въ очень близкое къ написанію самаго кодекса время. Наиболѣе вѣроятнымъ, какъ думаетъ референтъ, является то предположеніе, что латинскія приписки сдѣланы для того, чтобы дать понятъ о содержаніи памятника людямъ, незнакомымъ съ славянскимъ языкомъ, тотчасъ послѣ того, какъ кодексъ былъ принесенъ изъ Болгаріи въ Римъ, т. е. въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, возможно допустить, что болгаринъ-латинистъ, сдѣлавшій приписки на этомъ языкѣ, внесъ въ кодексъ и западное троянское сказаніе и, быть можетъ, принималъ участіе въ иллюстрированіи рукописей (Нов. Вр., 28 янв. 1902 г.).

15 февраля П. А. Лавровымъ былъ прочитанъ слѣдующій докладъ: «О сербскомъ спискѣ Симеонова Изборника библіотеки Хиландарскаго монастыря». Въ библіотекѣ названнаго монастыря сохранился, за № 24, замѣчательный сборникъ XIII—XIV в., въ которомъ, начиная съ Анастасіевыхъ отвѣтовъ, за немногими пропусками, имѣются всѣ статьи знаменитаго Изборника Святославова 1073 года. Въ виду древности списка и юго-славянскаго его происхожденія, хиландарскій сборникъ получаетъ особенную важность для критическаго изданія Изборника 1073 года: въ немъ мѣстами лучше сохранились первоначальныя чтенія памятника, а, съ другой стороны, въ немъ имѣются немаловажныя варианты. Но и помимо Изборника, хиландарская рукопись заключаетъ

важный матеріалъ. Начиная съ листа 1-го и до 92-го въ рукописи находится особаго состава выборъ статей изъ произведеній различныхъ отцовъ церкви и языческихъ писателей и, кромѣ того, апокрифическія статьи, теперь уже изданныя. Въ концѣ рукописи, за спискомъ Изборника, слѣдуютъ слова Іоанна Златоустаго въ томъ именно переводѣ, какой мы находимъ въ извѣстномъ подъ именемъ «Златоструя» сборникѣ, переводъ котораго приписывается болгарскому князю Симеону. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, предполагается существованіе въ эпоху Симеона энциклопедіи литературныхъ памятниковъ. Вполнѣ естественно, что въ нее могъ входить и Златоструй, въ переводѣ котораго принималъ участіе Симеонъ (Пр. Вѣстн., 41—19 фев. 1902 г.).

Неофилологическое Общество при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

21 февраля 1901 г. П. А. Лавровъ. Вопросъ о началѣ славянской письменности и родинѣ старославянскаго языка, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ И. В. Ягича.

Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ.

3 октября 1901 г. А. А. Павловскій прочелъ докладъ: «Библейскій городъ Мадеба въ средніе вѣка». Мадеба, или Медеба, или Медаванъ въ Библии — маавитскій городъ, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Хесбара на югъ, по древней римской дорогѣ, въ Заіорданьи. Докладчикомъ предварительно было указано на различныя чтенія этого города въ Библии, у древнихъ писателей и въ настоящее время, а затѣмъ онъ ознакомилъ присутствующихъ какъ съ исторіей города, такъ и съ сохранившимися на мѣстѣ его памятниками римскаго и средневѣковаго періодовъ.

Первое упоминаніе о городѣ Мадебѣ относится ко времени поселенія евреевъ въ землѣ обѣтованной, и въ послѣдній разъ о немъ сообщается въ актахъ Халкидонскаго собора, когда Мадеба являлась одной изъ четырехъ епископій епархіи Аравіи подъ главенствомъ митрополіи Босры и Антиохійскаго патріархата. Послѣ V-го вѣка имя этого города вовсе не упоминается въ какихъ-либо памятникахъ и только во второй половинѣ XIX вѣка путешественники, побывавшіе за Іорданомъ, снова начинаютъ говорить о Мадебѣ. Имъ удалось еще видѣть остатки городскихъ стѣнъ, воротъ, башенъ и нѣкоторыхъ древнихъ зданій, значительная часть которыхъ исчезла къ тому времени, когда въ 1880 году на пустынномъ мѣстѣ этого покинутаго и разореннаго города обосновалось небольшое поселеніе христіанъ арабовъ, выходцевъ изъ Корака. Однако надо сознаться, что, если поселенцы эти и разобрали остатки сохранившихся сооружений на свои постройки, то, съ другой стороны, расчищая мѣсто для новыхъ построекъ, тѣмъ самымъ обнаружили цѣлый рядъ фундаментовъ и нижнихъ частей древнихъ, ранѣе не замѣченныхъ

никѣмъ зданій, а нѣкоторые изъ нихъ приспособили для своихъ жилищъ. Благодаря этимъ случайнымъ раскопкамъ былъ обнаруженъ цѣлый рядъ мозаичныхъ половъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прекрасно сохранившіеся, часто служатъ поломъ не только жилыхъ помѣщеній и сараевъ, но даже и скотныхъ дворовъ, хлѣбовъ. Особенное вниманіе всѣхъ ученыхъ привлекла къ себѣ мозаика пола въ новой православной церкви, построенной на фундаментѣ древней базилики. Мозаика эта, очевидно, не обратила на себя ни малѣйшаго вниманія со стороны строителей этой церкви, несомнѣнно, людей крайне невѣжественныхъ; мало того, они даже въ значительной степени испортили эту въ высшей степени рѣдкостную вещь, которая представляетъ собой большую, около 25 кв. саж. въ цѣломъ, карту Палестины, Сиріи и Египта, и исполнена въ VI вѣкѣ по Р. X. Настоящая географическая карта есть одна изъ древнѣйшихъ и въ то же время единственная греческая карта. Къ счастью для ученыхъ, отъ нея сохранилось около 6 квадратныхъ сажень, однако надо сознаться, что и этой незначительной части, поразительнаго по своему значенію, памятника грозитъ неминуемое уничтоженіе: мѣстное духовенство за ничтожный бакшишъ довольно смѣло поливаетъ себѣ карту водой, желая вызвать этимъ большую яркость красокъ, а отъ воды мозаика, огороженная для сохранности рѣшеткой, выпучивается и недалеко, быть можетъ, то время, когда она и совсѣмъ распадется. Существуютъ и другія мозаики, которыя, правда, не могутъ равняться по своему значенію вышеназванной мозаичной картѣ, тѣмъ не менѣе и онѣ представляютъ весьма серіозный научный интересъ, какъ своими сюжетами, такъ и красками мозаикъ, давая прекрасные образчики мозаичнаго искусства римскаго и византійскаго временъ. Кромѣ того онѣ важны и по тѣмъ датамъ, которыя сообщаются ими, и служатъ для опредѣленія времени построенія базиликъ и частей ихъ, которыя онѣ украшаютъ. До сего времени подобныхъ мозаикъ съ датами извѣстно всего лишь три: двѣ въ базиликахъ и одна въ криптѣ одной изъ этихъ базиликъ. Даты двухъ изъ нихъ указываютъ на VII столѣтіе, какъ на время построенія базилики, а одна — на конецъ VI вѣка, т. е. по-юстиніановское время, отмѣченное въ исторіи своимъ пробужденіемъ художественной дѣятельности на Востокѣ. Страннымъ представляется лишь то обстоятельство, что въ этихъ мозаикахъ, исполненныхъ одна на другой на протяженіи какихъ-нибудь 70 лѣтъ, даты обозначаются по различнымъ эрамъ, и при томъ характерно, что позднѣйшая по времени опредѣляется по селевкидовскому, а болѣе ранняя по обычному христіанскому лѣтоисчисленію. За послѣдній періодъ времени городъ Мадеба привлекъ къ себѣ вниманіе, главнымъ образомъ, католическихъ миссіонеровъ Палестины. Въ извѣстныхъ журналахъ «Revue Biblique» и въ «Nuovo bulletino di archeologia cristiana» появились статьи двухъ патеровъ, Сежурне (Sejourné) и Manfredi, трактующихъ о памятникахъ Мадебы, съ общимъ планомъ города и отдѣльныхъ базиликъ и съ рисунками нѣкоторыхъ мозаикъ.

Въ недавнее еще время молодой русскій художникъ, весьма интересующійся и археологіей, Н. К. Клуге, обратилъ самое серіозное свое вниманіе на памятники Мадебы. По порученію Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, этотъ художникъ провелъ въ названномъ городѣ почти цѣлый годъ (1897 г.) и, снявъ планы города и всѣхъ открытыхъ имъ тогда базиликъ, сфотографировалъ или сдѣлалъ акварели со всѣхъ, какіе только оказывались доступны ему, памятниковъ. Къ сожалѣнію, многихъ, крайне интересныхъ, мозаикъ зарисовать ему не удалось по той причинѣ, что для разрѣшенія сдѣлать это нужны были гораздо бѣльшія средства, чѣмъ тѣ, какія были въ его распоряженіи, для бакшиша и для расчистки, по крайней мѣрѣ, если не для раскопокъ. Необходимо указать при этомъ, что рисунки и планы Н. К. Клуге въ значительной степени расходятся съ опубликованными уже раньше названными выше учеными, но, по отзыву докладчика, видѣвшаго лично добросовѣстныхъ и совершенно точныхъ работы г. Клуге по акварелямъ съ мозаикъ Кахріэ - Джами въ Константинополѣ, заслуживаютъ самаго полнаго вниманія. Къ этимъ своимъ работамъ Н. К. Клуге присоединилъ и подробное описаніе видѣнныхъ и изслѣдованныхъ имъ памятниковъ, изданіе которыхъ и предпринялъ уже Константинопольскій Институтъ. По глубокому убѣжденію референта, необходимо не только издать весь имѣющійся уже матеріалъ по древностямъ Мадебы, но и произвести здѣсь систематически правильныя раскопки; послѣднія, по отзыву Н. К. Клуге, близко познакомившагося съ мѣстными условіями, не могли бы вызвать слишкомъ большихъ издержекъ, а между тѣмъ несомнѣнно дали бы богатый и дѣйствительно важный матеріалъ для исторіи того періода византійскаго искусства, который въ послѣднее время особенно привлекаетъ вниманіе ученыхъ, это — періодъ сложенія византійскаго искусства. Правда, тамошнее католическое духовенство живо интересуется открываемыми случайно памятниками, но за послѣднее время, какъ можно замѣтить, большинство вновь открываемыхъ мозаикъ попадаетъ на землѣ православныхъ арабовъ, которые однако не позволяютъ даже зарисовать ихъ, а снова покрываютъ ихъ землей. Мѣстныхъ же православныхъ силъ, интересующихся археологіей и обладающихъ достаточными знаніями, хотя бы для самой поверхностной оцѣнки памятниковъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, и памятники, весьма вѣроятно, представляющіе большую цѣнность, скоро и, быть можетъ, на всегда будутъ утрачены для науки. Далѣе референтъ высказалъ ту мысль, что Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ, случайно поручившій Н. К. Клуге его работу, не имѣетъ ни достаточно средствъ, ни необходимыхъ силъ, чтобы произвести раскопки въ такой дали; докладчикъ думаетъ, что естественнѣе всего этимъ вопросомъ заняться Императорскому Палестинскому Обществу, уже пріобрѣтшему для изданія у г. Клуге акварельный рисунокъ съ карты, и обратиться за содѣйствіемъ и помощью къ тому же Археологическому Институту въ Константинополѣ. Настоящій до-

кладъ былъ иллюстрированъ рисунками г. Клуге, при объясненіи которыхъ референтъ указалъ на стремленіе католическихъ археологовъ придавать изображеніямъ мозаикъ символическое значеніе и, признавая возможность символическаго пониманія мозаики крипта, представляющей двухъ агнцевъ по сторонамъ священнаго дерева и двухъ виноградныхъ гроздій, рѣшительно высказался противъ возможности пониманія чаши въ бордюръ пола, рядомъ съ изображеніями животныхъ, какъ евхаристической чаши (См. протоколъ засѣданій Ист.-Фил. Общ. при Императорскомъ Новороссійск. Университ., стр. 1—3).

22 января 1902 г. Докладъ А. Θ. Стельмошенка: Литературная исторія сказаній о 12 пятницахъ. — «Сказаніе о 12 пятницахъ» относится къ разряду многочисленныхъ памятниковъ древне-русской письменности, заимствованныхъ на Руси изъ Византіи черезъ посредство южныхъ славянъ. Сообщивъ содержаніе сказанія по одному изъ списковъ и перечисливъ извѣстные другіе списки его, референтъ перешелъ къ детальному разсмотрѣнію послѣднихъ. По содержанію своему все списки дѣлятся на двѣ редакціи, изъ которыхъ одна извѣстна лишь изъ славяно-русскихъ пересказовъ. Списки ея представляютъ одинъ и тотъ же переводъ, на двѣ группы, при чемъ вторая, несомнѣнно, произошла изъ первой. Вторая же редакція извѣстна, кромѣ русскихъ прозаическихъ текстовъ и духовныхъ стиховъ, еще и въ западныхъ пересказахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, провансальскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, а также въ греческомъ и латинскихъ. Затѣмъ референтъ, проанализировавъ текстъ этой редакціи, указалъ на отношеніе этого сказанія къ другимъ памятникамъ славянской письменности. Указаны были далѣе духовные стихи о 12 пятницахъ и о пятницѣ вообще и приведены источники ихъ. Покончивъ съ пятничнымъ поученіемъ, референтъ обратился къ анализу Элевферьевскихъ повѣствованій. Послѣднія извѣстны въ двухъ видахъ: 1) легенды и 2) фацеіи. Обѣ группы тѣсно связываютъ общность ихъ содержанія и собственныя имена дѣйствующихъ лицъ. Легенда — византійскаго происхожденія: на это ясно указываютъ собственныя имена, встрѣчающіяся въ ней, а также религіозный характеръ. Относительно фацеіи можно думать то же самое, но лишь предположительно, ибо нѣтъ прямыхъ указаній, хотя и есть аналогіи. На основаніи произведеннаго анализа, референтъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы: 1) «сказаніе о 12 пятницахъ» — происхожденія византійскаго; 2) обѣ легенды — Элевферьевская и пятничная — соединились еще въ Византіи; 3) духовные стихи о 12 пятницахъ происходятъ отъ Климентовской редакціи сказанія; 4) источникомъ ихъ послужила какая-нибудь западная редакція; посредствующимъ звеномъ между ними можно считать русскіе прозаическіе тексты; 5) Элевферьевское «сказаніе», попавъ на славянскую почву, подверглось нѣкоторой переработкѣ, что подтверждается какъ возникновеніемъ 2-й редакціи, такъ и соединеніемъ историческихъ воспоминаній, заимствованныхъ изъ другихъ

бывшихъ въ ходу у славянъ памятниковъ, какъ напр.: Откровеніе Меѳодія Патарскаго и т. д.

Сообщеніе вызвало продолжительные дебаты, въ которыхъ приняли участіе: В. М. Истринъ, А. И. Маркевичъ, С. Д. Пападимитріу, Х. П. Ящуржинскій. Послѣдній между прочимъ сообщилъ, что имѣетъ тексты народныхъ сказаній о 12 пятницахъ, записанные въ Киевской губерніи и въ южной части Могилевской; имъ же были прочтены образцы передѣлки сказанія въ бѣлорусскихъ духовныхъ стихахъ. По поводу *западной страны*, упоминаемой въ сказаніи, С. Д. Пападимитріу высказалъ предположеніе, что таковою всего скорѣе можно считать Дураццо; это предположеніе было поддержано А. М. Маркевичемъ, указавшимъ на популярность Дураццо (Драчь-градъ) въ XIII вѣкѣ, такъ какъ тогда этотъ городъ былъ разрушенъ сильнымъ землетрясеніемъ. Онъ же высказалъ предположеніе, что Тарасіи—имя нарицательное отъ имени Тарасія, иконоборческаго патріарха. Сопоставленіе же Тарса съ Никомидіей, по мнѣнію А. И. Маркевича, не должно имѣть мѣста, въ виду географической отдаленности этихъ мѣстностей другъ отъ друга.

9 февраля. 1) Сообщеніе С. Г. Вилинскаго: «Болгарскіе тексты Епископіи о Недѣлѣ». Содержаніе доклада въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: извѣстные три болгарскихъ текста (Одесскій—изъ собранія В. И. Григоровича, Московскій—Историческаго Музея, собранія Бярятинскаго, и Тихонравовскій—напечатанный П. А. Лавровымъ) суть списки одной редакціи. Эта редакція, судя по извѣстнымъ греческимъ спискамъ, точнаго греческаго оригинала не имѣетъ, и является, какъ есть основаніе думать, самостоятельной переработкой памятника на болгарской почвѣ, съ привнесеніемъ мѣстнаго элемента, почему и можетъ быть названа болгарской. Русскіе списки нашего памятника не даютъ повода положительно утверждать, что болгарская редакція была извѣстна въ Россіи, но зато изъ нихъ вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что редакція Іерусалимскаго типа была на Руси, появившись здѣсь изъ Византіи, быть можетъ, чрезъ посредство Болгаріи. Происхожденіе греческихъ же текстовъ Епископіи вѣроятнѣе всего, по мнѣнію референта, вести съ запада, что однако не исключаетъ возможности и переработки западной редакціи въ Византіи.

2) Докладъ Н. Е. Гинкова: Апокрифическое сказаніе о «Лѣствицѣ Іакова» по Толковымъ Палеямъ. Прежде, чѣмъ приступить къ разбору апокрифа о «Лѣствицѣ Іакова», референтъ указалъ, что въ исторіи работки Толковой Палеи можно отмѣтить два момента. Въ трудахъ болѣе раннихъ изслѣдователей Палея, болѣею частью на основаніи знакомства только съ ея содержаніемъ, считалась первоначально греческимъ памятникомъ, переведеннымъ гдѣ-нибудь на югѣ, вѣроятнѣе же всего въ Болгаріи, и затѣмъ уже въ очень раннее время распространившимся у насъ. Въ изслѣдованіяхъ же позднѣйшихъ ученыхъ, съ одной стороны благодаря тому, что стали приводиться въ извѣстность списки Толковой Палеи, съ другой—благодаря методу самого изслѣдованія, мысль о гре-

ческомъ оригиналѣ Палеи уступаетъ мѣсто другому взгляду, по которому Палея признается памятникомъ, возникшимъ на славянской и даже на русской почвѣ между XIII и XIV вв. Что же касается апокрифа о «Лѣствицѣ», то своимъ происхожденіемъ онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ не составителю Палеи: онъ имѣлъ подъ руками готовый апокрифъ, который онъ внесъ въ свой трудъ и подвергъ толкованію. Къ такому заключенію приходитъ, по крайней мѣрѣ, референтъ на основаніи цѣлаго ряда данныхъ. Затѣмъ, указавъ на отношеніе 12 списковъ, имѣвшихся подъ руками у него, докладчикъ устанавливаетъ 2 редакціи апокрифа въ палеинномъ изложеніи — Коломенскаго и Синодальнаго списковъ. Стройное изложеніе послѣдняго списка, не прерываемое никакими вставками и содержащее въ себѣ болѣе пространное изложеніе апокрифа, даетъ основаніе считать его болѣе близкимъ къ древнему тексту апокрифа, хотя, по времени возникновенія, можетъ быть признана болѣе поздней, чѣмъ 1-ая, Коломенская редакція. Что же касается самого апокрифа въ его независимомъ существованіи отъ Палеи, то подобнаго текста хотя и не имѣется, однако возможно указать извѣстные слѣды его. У Миня мы находимъ указаніе св. Епифанія о «Лѣствицѣ Іакова», съ другой стороны — тотъ же Минь приводитъ свѣдѣнія о существованіи такъ называемаго «Завѣта Іакова». Въ нашей же русской литературѣ всѣ свѣдѣнія ограничиваются указаніемъ одного поздняго индекса на «О двенадцатыхъ Іяковличъ глаголемая Лѣствица». Но кромѣ того, что нѣкоторые источники устанавливаютъ фактъ существованія самого апокрифа, мы въ нихъ находимъ указаніе и на время и мѣсто его появленія, — среди сектантовъ іудействующихъ Эвіонитовъ. Что послѣдніе перерабатывали въ духѣ своихъ религіозныхъ убѣжденій библейскія сказанія, видно изъ того, что такого рода переработку мы встрѣчаемъ о другомъ патріархѣ — Авраамѣ.

Подмѣчая затѣмъ черты, свойственныя воззрѣніямъ этой секты, референтъ высказываетъ предположеніе, что «Лѣствица Іакова» относится къ писаніямъ іудействовавшихъ еретиковъ, первыхъ временъ христіанства — Эвіонитовъ. Въ палеинномъ изложеніи апокрифа интересно отмѣтить его осложненіе пророчествами о воплощеніи Христа, основанными, главнымъ образомъ, на извѣстномъ памятникѣ — «Сказаніе Афродитіана». Это обстоятельство приводитъ въ свою очередь къ вопросу о томъ, была ли связана «Лѣствица» съ «Сказаніемъ Афродитіана» прежде, чѣмъ она вошла въ Палею, или же это соединеніе обязано всецѣло компилятору Палеи. Съ одной стороны извѣстный выводъ г. Щеголева, что «Сказаніе» въ толкованіяхъ на «Лѣствицу» экстирпировалось въ русскомъ переводѣ, а съ другой — предположеніе о времени и мѣстѣ появленія «Лѣствицы» даетъ референту серіозное основаніе предполагать послѣднее, именно: отнести соединеніе между этими двумя литературными памятниками на счетъ компилятора Палеи. (Прот. засѣданія Ист.-Фил. Общ. при Импер. Новороссійскомъ Универ., отдѣльн. оттискъ, стр. 1—6). В. С.